

*Радкевич Вита Владимировна,
Житомирский государственный университет имени Ивана Франко,
аспирантка, кафедра английской филологии
и перевода имени Д.И. Квеселевича
[E-mail: patu1@rambler.ru](mailto:patu1@rambler.ru)*

**Специфика актуализации дискурсивных актов в межгендерных
диалогах (на материале англоязычной женской прозы)**

Аннотация статьи: Статья посвящена анализу межгендерных диалогов персонажей англоязычной прозы. Выделяются определенные характерные особенности актуализации отдельных типов и видов дискурсивных актов в мужской и женской персонажной речи.

Ключевые слова: дискурсивный акт, межгендерный диалог, мужская / женская персонажная речь.

**Specific Character of Discourse Acts Actualization in Intergender
Dialogues (on the Material of Female English-Language Prose)**

Abstract: The article deals with the analysis of intergender dialogues of English-language prose personages. Characteristic features of certain types and kinds of discourse acts in female and male personages' speech are defined.

Keywords: discourse act, intergender dialogue, female/male personages' speech.

Наша статья посвящена изучению особенностей актуализации дискурсивных актов в речи персонажей противоположных полов. Исследование мужской и женской речи предусматривает выделение единицы анализа, которой в течение длительного времени был речевой акт, рассматриваемый как общепринятая элементарная единица речевой деятельности [9, 311-391; 12, 170-194; 13; 18]. Однако в последние десятилетия неоднократно высказывалась мысль, согласно которой разработанная классификация речевых актов не способна должным образом

объяснить все факты живой человеческой речи, находящейся в постоянном развитии [1,132;11, 64-69]. Бурное развитие дискурсологии ввело в круг исследования новые прагматические факторы изучения речи, в частности, фактор интерактивности – вовлеченности адресата и адресанта в дискурс. Как результат, в работах Г. Стина [20, 15-16] выделяется дискурсивный акт (ДА), базовая единица диалогического дискурса, отличающаяся от речевого акта коммуникативным взаимодействием обоих участников интеракции. Использование термина находим также в статьях Е.Руле [17, 320], Ж.Гарридо [15], Р.Тройера [21, 303-331], В.Б. Кашкина [4], Л.В. Бронник [2, 11-14], Л.П. Науменко [6]. Однако названные исследователи не предлагают теоретического обоснования понятия или классификации типов ДА, выделяя фактор взаимодействия коммуникантов, как особо важный.

Наиболее глубокое освещение данное понятие получило в работах отечественного лингвиста А.М. Приходько [10, 101-122], предлагающего собственную классификацию типов ДА с общим анализом каждого из них. Следует отметить, что названная концепция успешно развивается [3, 317-322; 5; 8], что подтверждает ее теоретическое значение и практическую эффективность. Положения этой концепции используются в нашей работе.

Поскольку гендерная принадлежность является важной характеристикой коммуникантов и важным фактором коммуникации, **цель** исследования можно очертить следующим образом: изучение закономерностей актуализации различных типов ДА в межгендерном диалоге художественной прозы, где авторами являются писатели-женщины. Анализ осуществляется на материале **сплошной** выборки межгендерных диалогов из трех романов трех британских писательниц, написанных в конце XX века [14; 16; 19]. Недостаточная разработанность теории ДА в аспекте их актуализации в разных видах дискурса, а также общая направленность современных лингвистических студий на выявление различий в речи, обусловленных полом персонажа, как одной из социально-статусных характеристик, определяют **актуальность** предлагаемого исследования.

Дискурсивный акт в работе понимаем как единицу речевого действия, включенную в интеракцию, и представляющую собой цепочку речевых актов, соединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями. Прагматический потенциал дискурсивных актов произведен как от интралингвистических, так и от экстралингвистических факторов, поэтому в актуализации их прагмасемантических качеств большая роль принадлежит факторам, включающим такие экстралингвистические компоненты ситуации, как коммуниканты, время, место, цель, задачи общения и пр.[10: 103].

По данным анализа нашего материала в межгендерных диалогах отмечена актуализация всех пяти типов дискурсивных актов: офферативов, конформативов/нонконформативов, аккузативов, апологетивов и дидактивов, однако их частотность и частотность отдельных выделенных видов ДА оказалась неодинаковой: конформативы составляют 24,7% всех ДА в мужской персонажной речи и 33,8% в женской персонажной речи; нонконформативы – 10,1% и 13,4%; офферативы – соответственно 13,4% и 17,3% ДА; аккузативы – 13,4% и 11,5% ДА; апологетивы – 11,7% и 10,5% ДА; дидактивы – 0,9% в мужской персонажной речи и 3,8% ДА в женской персонажной речи. Выделено также достаточно большое количество комбинированных ДА, совмещающих характеристики двух разных типов, реализующих две телеологические установки одновременно.

Наибольшую частотность в анализируемых диалогах и для М-участников (персонажей-мужчин), и для F-участников (персонажей-женщин), продемонстрировали конформативные и нонконформативные ДА, которые понимаются в нашей работе как реактивные речевые действия, используемые как в кооперативном, так и в конфликтном режимах общения. Они объединены идеей знания говорящего о пользе или ущербе в случае принятия предложенного, что позволяет ему реагировать положительным

(конформатив) или отрицательным (нонконформатив) волеизъявлением [10: 108]. Именно этот самый многочисленный тип ДА, по данным анализа, рассматривается в предлагаемой статье более детально.

Следует подчеркнуть, что более типичными в анализируемом материале выступают именно *конформативные* ДА с видовым прагматическим значением *согласия*, которые, по наблюдениям Л.Л. Нейленко, не являются прагматически гомогенными языковыми единицами и могут реализовать как полное, так и частичное согласие или предположение согласия [7, 1-3]. *ДА согласия* типичны для речевого поведения коммуникантов обоих полов, однако они более важны для женщин (19,2% всех выделенных ДА в речи женщин). Например, в диалоге между обедневшим аристократом Арчибальдом Балмерино и матерью его лучшего друга Вайолет Эйрд, находим частичное согласие F-участника:

(1) *He said, "Losing her mother when she was so little ... perhaps that was a more traumatic experience than any of us realized. Perhaps it made her feel different from other girls. Incomplete in some way."*

Violet thought about this. "Yes. Perhaps. Except that Caroline was never a very demonstrative or loving mother." [16, 92].

В этом фрагменте прагматический эффект частичного и некатегорического согласия, усиливается контактной актуализацией в реплике F-участника другого вида ДА – нонконформативного *ДА отрицания* (*Except that Caroline was never a very demonstrative or loving mother*).

Для речи M-участников более характерны ДА прямого, категорического согласия, несмотря на их несколько более низкую репрезентативность (11,9% всех выделенных ДА мужской речи). Рассмотрим фрагмент разговора Эстер Дарк (молодой бизнесвумен, пришедшей к успеху самостоятельно) с ее бойфрендом Рори (молодым зажиточным шотландским аристократом):

(2)(M) *'Are you in it?'*

'Only you can answer that question.'

'I'd do anything for you,' Rory whispered. 'I think I'd even defy the Devil himself.' [14, 232].

В приведенном примере способом реализации категорического согласия выступает наивысшая возможная степень выражения готовности сделать то, что является предметом беседы, причем этот предмет оформлен лексическими средствами с опорой на культурологический контекст (*I'd do anything... , I think I'd even defy the Devil himself*).

Среди других видов конформативных ДА достаточно частотны *ДА одобрение* для мужской речи (8,2%, что вдвое чаще, чем в речи F-участников). *ДА одобрение* понимаем как расширение иллокутивного пространства согласия за счет привлечения оценивающей составляющей, предусматривающей положительную реакцию коммуниканта на предыдущий речевой шаг коммуникативного партнера. В сделанной нами выборке преобладают примеры *ДА одобрение*, где языковыми средствами выражения одобрения выступает эксплицитный оценочный компонент ДА. Рассмотрим пример из разговора Эстер Дарк с ее дядей Уильямом, владельцем одной из самых популярных шотландских газет:

(3) *Will was the first to break in. 'Billy told me all about you and Ritchie,' he said in a bluff, hearty voice. 'At least you had one friend in Julian Avenue.'*

'Yes. One of the best I've ever had.'

Will grunted. 'It's a successful garage, from all accounts. You're to be congratulated.' [14, 155].

Здесь одобрение актуализировано качественным прилагательным положительной оценки (*successful*), фразой (*from all accounts*) следующей репликой М-участника, с глаголом *to be* в модальном значении (*You're to be congratulated*).

Для F-участников следующим по частотности оказывается *ДА похвала*, рассматриваемый как разновидность одобрения и направленный на словесное стимулирование определенных начинаний или поступков. В

качестве примера приведем фрагмент диалога между Вайолет Эйрд и лордом Балмерино о погибшей невестке Вайолет:

(4) *“But you liked Caroline.”*

“Oh yes, I liked her. There was nothing to dislike. We had a good relationship, and I think she was a good wife to Edmund.” [16, 92].

В данном случае *ДА похвала* предшествует *ДА согласие*, усиливающий прагматический эффект похвалы, актуализируемой здесь описательным способом, с участием оценного компонента (*nothing to dislike, a good relationship, a good wife to Edmund*).

Нонконформативы также являются частотными *ДА* в межгендерных диалогах, более типичными для женской (13,4% от всех *ДА*), чем для мужской (10,1% от всех *ДА*) речи. Они отмечаются разной степенью категоричности, и почти всегда актуализируют несогласие. Анализ материала не позволил обнаружить гендерные различия средств выражения или степени категоричности/экспрессивности в *ДА несогласие*.

Рассмотрим пример из разговора-знакомства Алексис Эйрд (девушкой из зажиточной семьи, которая работает кулинаром-фрилансером) и Ноэля Килинга (достаточно молодого успешного служащего рекламного бизнеса):

(5) (M) *“I suppose you think I’ve got the dates mixed up.”*

(F) *“It’s easily done.”*

“Not this time. I only got the postcard this morning. The thirteenth.”

She said, “But this is the twelfth.”

“No, it isn’t.” He was quite firm. “It’s the thirteenth.”

“I’m terribly sorry, but it’s the twelfth. Thursday, the twelfth of May. She sodeeply apologetic, as though the mix-up were all her fault. “Tomorrow’s the thirteenth.” [16, 31].

В этом фрагменте актуализирован ряд *ДА несогласие*, характеризующихся одинаковой степенью категоричности, в речи как М-участника, так и F-участника коммуникативного взаимодействия. Категоричность снижается в последней реплике F-участника из-за

комбинации в ней *ДА несогласие* с апологетическим *ДА извинение* (*I'm terribly sorry, but it's the twelfth*). Следовательно, этот пример свидетельствует о возможности комбинаций *ДА* разных типов (гибридных *ДА*), что предопределено коммуникативной задачей конкретной ситуации речевого общения.

В сделанной выборке не было обнаружено случаев эксплицитного неодобрения и отказа, однако такие виды неконформативных *ДА* могут быть выделены в процессе анализа большего количества текстового материала.

Представленное выше исследование позволяет **сделать** следующие выводы: 1) заметно более частое использование конформативов характеризует речь персонажей-женщин; 2) при исследовании видового прагматического значения данного типа *ДА* в женской персонажной речи установлено, что здесь наиболее представлены *ДА согласие* (при низкой категоричности высказывания), *ДА одобрение* и *ДА похвала*, при этом *ДА похвала* отмечены большей частотностью, чем в персонажной речи мужчин, а *ДА одобрение* персонажной речи М-участников встречаются вдвое чаще, чем в речи Ф-участников; то есть изучение прагматического значения *ДА* конформативов позволяет выделить четкие гендерные различия в речи персонажей; 3) обращает на себя внимание неодинаковое по частотности использование офферативов и дидактивов (преобладают в речи Ф-персонажей), а также аккузативов (преобладают в речи М-персонажей), что может быть отражением определенных социально-психологических гендерных различий. Дальнейшие перспективы исследования связаны с использованием предложенной в статье методики исследования лингвопрагматических особенностей межгендерных диалогов на материале англоязычной прозы, написанной авторами-мужчинами.

Список литературы:

1. Бацевич Ф.С. Очерки по лингвистической прагматике: Монография / Ф.С. Бацевич. – Львов: ПАШС, 2010. – 336 с.

2. Бронник Л.В. Дискурсивный акт в эволюционном аспекте / Л.В. Бронник // Вестник ВГУ. Серия: Филология, журналистика. – 2011. – №1. – Волгоград, 2011. – С.11-14.
3. Жихарева Н.А. Косвенный речевой акт как средство речевого воздействия на собеседника / Н.А. Жихарева // Восточнославянская филология. –Вып.22. Языкознание. – Горловка: Изд-во ГДППМ, 2012. – С.317–322.
4. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации / В.Б. Кашкин // Серия "Аспекты языка и коммуникации". – Выпуск 5. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – 2010. – Электронный ресурс – Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-107>
5. Мисягина И.М. Дискурсивный акт уклончивости / И.М. Мисягина // I Международная научно-практическая заочная конференция "Лингвокогнитивные и социокультурные аспекты коммуникации", 2012. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://naub.oa.edu.ua/2012/dyskursyvnyj-akt-uhylnosti/>
6. Науменко Л.П. Дискурсивный акт как базовая единица бизнес – дискурса / Науменко Л.П. – 2012. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Npkpnu_fil/2009_18/1_35_Naumenko.pdf
7. Нейленко Л.Л. Семантико-прагматические свойства высказываний со значением согласия (на материале английского диалога): автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германские языки" /Л.Л. Нейленко. – Пятигорск, 2004. – 17 с.
8. Павленко Л.В. Дискурсивный акт «подхват» в английской диалогической речи (на материале современной художественной прозы): автореф. дис . на соиск. ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 " Германские языки"/ Л.В. Павленко.– Львов, 2011. – 20 с.
9. Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике / Г.Г. Почепцов. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.

10. Приходько А.Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология/ А.Н. Приходько // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2010. – №1. – С.101-122.
11. Селиванова Е.А. Основы теории речевой коммуникации : Учебник / Е.А. Селиванова . – Черкассы : Издательство Чабаненко Ю.А. – 2011. – 350 с.
12. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Сёрль// Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
13. Austin J.L. How to Do Things With Words., 2nd edition, Harvard Univ. Press / J.L. Austin. – Cambridge, 2005.
14. Blair E. Hester Dark, Tiptree; Anchor Brendon Ltd. / E. Blair. – London, 1985. – 386 p.
15. Garrido J. Relevance versus connection: discourse and text as units of analysis / J. Garrido // Circulo. – 2003.- №13. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.ucm.es/info/circulo>
16. Pilcher R. September, Coronet Books / R. Pilcher. – London, 1990. – 616 p.
17. Roulet E. Geneva school // Verschueren, J. F., Östman, J.-O. and Blommaert, J. eds. Handbook of pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1995. – P.319–323.
18. Searle J. Expression and Meaning., 2nd edition, Cambridge Univ. Press / J. Searle. – Cambridge, 1994. – 288 p.
19. Spark M. The Public Image // The Public Image. Stories, Progress Publishers / M. Spark. – Moscow, 1976. – P. 21-126.
20. Steen G. Basic discourse acts: When language and cognition turn into communication / G. Steen // Cognitive linguistics, functionalism, discourse studies: Common ground and new directions: Abstracts of the 8th International Cognitive Linguistics Conference 20-25.07.2003. – P. 15–16.
21. Troyer R.A. Dialogue and discourse structure: A speech move analysis of Sherman Alexie's story "What you pawn I will redeem" / Troyer R.A. // Watson G.(Ed.). The State of Stylistics.– Amsterdam: Rodopi, 2008.– P.303–331.

